

6'20 Новое литературное обозрение

в разделе

купить

Тамара Гундорова

Литературные этнографии: найти этнографа (Рец. на кн.: Хофман Т. Литературные этнографии Украины: проза после 1991 года. СПб., 2016)

Хофман Т. Литературные этнографии Украины: проза после 1991 года / Пер. с нем. Т. набатниковой.

названными в книге работами Виталия Чернецкого, Соломии Павлычко, Марка Павлишина, Роксаны Харчук, Тамары Гундоровой здесь следует вспомнить книги Марии Ревакович [1], Александра Кратохвила [2], Ярослава Полищука [3] и др. На этом фоне книга Хофман выделяется прежде всего методологией «литературных этнографий» — попыткой применить концепцию этнографического исследования к литературе. Фактически речь идет об исследовании геокультурного конструирования идентичности в текстах украинских авторов 1991—2016 гг. Подобная методология, до сих пор не апробированная на постсоветском пространстве и в значительной мере основанная на трудах немецких культурологов, позволила автору по-новому проанализировать известные тексты и фигуры украинской литературы, а главное — поднять ряд дискуссионных вопросов относительно литературной картографии, а также репрезентации идентичности в текстах украинских авторов.

Понятие литературной этнографии (или, точнее, литературных этнографий) представляет собой ключ к пониманию самой книги Хофман. И само это понятие, и стоящая за ним система отождествления этнографии с литературой вызывают немало вопросов, и автор не обходит их вниманием. В то же время примененный в работе подход помогает представить сложную, мозаичную карту литературной Украины и не только указать на оппозиции, но и в значительной мере деконструировать политические импликации и риторические стратегии, содержащиеся в текстах украинских авторов. Внимание к риторике и смыслам, которые она транслирует, выделяет книгу Хофман среди современных работ,

Книгу отличает широкий охват материала. Спектр рассматриваемых текстов и авторов вполне репрезентативен: это украинские писатели Юрий Андрухович, Оксана Забужко, Тарас Прохасько, Сергей Жадан, Валерий Шевчук, эссеист Николай Рябчук. Но есть среди них и русские писатели: Игорь Клех, Людмила Петрушевская, Олег Постнов. Включение их в исследование литературной этнографии Украины выглядит неожиданно и проблематично: в аннотации указано, что автор «анализирует (мета)литературные концепции Украины, основываясь на украинско- и русскоязычной прозе 1991—2011 гг. — первых десятилетий независимости страны». Можно предположить, что Хофман стремится выявить конфликты этнолитературных интерпретаций и/или дополнить национальную картографию в украинской литературе при помощи русскоязычной проекции, оттенив и сопоставив колониальные, имперские и националистические типы геокультурных нарративов.

Этнография и литература: трансгрессии

Первая, методологическая часть не лишена реферативности, характерной для вступительного раздела диссертации, — публикацией докторской рецензируемая книга и является. Тем же объясняются и попытки определить едва ли не все используемые понятия — от этнографии до культуры. Методологическую основу исследования составляют культурологические и этнографические работы, прежде всего немецкоязычные. Данный здесь обзор литературы представляет большой интерес для постсоветских ученых, знакомых с немецкоязычной культурной антропологией меньше, чем с англоязычной. Ряд теоретических понятий автор заимствует у российских ученых, таких как Роман Якобсон, Юрий Лотман и формалисты.

Методологическая парадигма Хофман, анализирующей украинскую литературу периода независимости, отличается от традиционного понимания этнографии. Последнюю автор связывает с украинским национальным проектом и возводит к XIX в. Правда, размышления о традиционном национальном дискурсе в Украине не лишены схематизма. Случаются и казусы; например, автор утверждает, что «в «Энеиде» Котляревского, рассчитанной на эффект комического, герой напивается

дискурсе, укажу (среди обширной литературы по этой теме) на две работы: книгу Дмитрия Чижевского «История украинской литературы» [14] и статью Григория Грабовича «Семантика котляревщины» [5].

Что же такое литературная этнография (или литературная антропология)? Чаще всего под ней понимается использование литературы как источника этнографических данных. Но она также исследует генеративный и трансформативный потенциал повествовательности (нарративности) в смысле этнографического знания. Знаменательным фактом сближения литературы и этнографии стало появление понятия «культурное письмо» [6], ориентированного на «насыщенное описание» и позволившего рассматривать этнографию и антропологию как расшифровывание культурных смыслов [7]. Культурная интерпретация способствовала переходу от сциентистского понимания этнографии к текстуальному и помещению в центр внимания наррации. В эпоху постмодернизма этнография и литература еще больше сближаются на почве нарративности и текстуальности, присущих обоим дискурсам — этнографическому и литературному.

Новое понимание этнографии автор «Литературных этнографий» выводит из этнографического письма и связывает с «культурографией Украины». Последняя сводится к «литературному дискурсу образования идентичности». Хофман сближает этнографию (иногда подменяя ее этнологией) и литературу, не только указывая на точки их пересечения, но и утверждая общность объектов и приемов. В частности, она замечает, что и литература, и этнология — дискурсивные явления и обе занимаются описанием; литература, так же как этнография, занята «культурацией пространства», а следовательно, их можно соотнести по принципу репрезентации идентичности. Обосновывая свой подход, автор доказывает близость, даже тождественность этнографии и литературы. Этот вопрос поднимался в науке не раз; дискуссионными остаются возведение предмета этнографии к нарративности и упразднение этнографа, идеологически и риторически вписанного в нарратив. Это фактически сводит предмет этнографии к образности и может препятствовать собственно этнографическому анализу.

Наряду с тем, что тезис об общей нарративности литературы и этнографии является в книге одним из центральных, Хофман весьма критически отзывается о постмодернистских категориях, особенно применительно к украинской литературе после 1991 г. Так, она утверждает, что «включение Украины в

полностью отрицая появление постмодернизма в украинской литературе, — эта позиция становится главной критической установкой.

Аргументируя сведение этнографического описания к литературной наррации, Хофман упускает из виду обратную тенденцию, а именно — превращение литературы в культурологию (этнографию). Как показывает исследование, применяемая методология «литературной этнографии» лучше всего работает на материале эссе — большая часть рассматриваемых текстов принадлежит к этому жанру. Отождествление литературного дискурса с культурологическим идет рука об руку с игнорированием имагинативной природы литературного текста. Хофман ставит задачу «показать, объяснить и сформировать географические пространства как культурные» (с. 13) изнутри текста и его семантики, в этом случае идеальным объектом становится эссеистика — недаром самые убедительные части исследования посвящены анализу эссе Андруховича, Рябчука, Забужко, Жадана. В случае же с художественными текстами мы видим, как позиции и голоса персонажей отождествляются с авторскими: например, при разборе «Перверзии» Андруховича позиция и речь Стаса Перфецкого анализируются как дискурс самого писателя.

«Итак, в литературе и других художественных средах применяется тот же модус предметной и познавательной конструкции, что и в этнологии» (с. 28), — вновь и вновь повторяет Хофман. Но, во-первых, «литературное моделирование топологического измерения» (с. 34) может сочетать несколько воображаемых (вымышленных образных) пространств, способных пересекаться или противопоставляться, а во-вторых, поэтическая функция языка может затемнять и даже «искривлять» геокультурный комментарий. Соответственно, там, где литературный дискурс обращен на самого себя, то есть где реализуется поэтическая функция, возникают трудности в интерпретации смыслов пространственной культурации. Хофман и сама признает, что, например, «у Жадана избегание остановки, смена мест и прерывание нарратива (мета)поэтическими тропами, в которые часто превращается географическое пространство, препятствуют достоверной культурализации пространства Харькова» (с. 364), однако не тематизирует это явление.

Постколониализм vs

противоречию между националистической идеей в произведениях украинских авторов и включением Украины в постколониальное и постмодернистское пространство (с. 11). Привлечение новых методологий к анализу постсоветского мира Хофман трактует как «избыточно-компенсационное вписывание в актуальные теории и формы эстетики, которые высоко котируются у более доминантных, чаще всего европейских «носителей культуры»» (с. 54). И если в дискуссию о постмодернизме автор не вступает, то постколониальная интерпретация украинской литературы оказывается под прицелом ее критики постоянно.

Хофман заявляет, что применение постколониальной критики некоторыми украинскими литературными критиками и писателями является, во-первых, способом интегрироваться в политкорректный западный дискурс, во-вторых — попыткой замаскировать свой, «домашний», национализм, а в-третьих — результатом стремления геоэстетически идеализировать те части Украины, которые олицетворяют «настоящую» Европу. С этим, по мнению Хофман, связана «проверка» Восточной Украины на европейскость, декларативная идентификация Галичины (у Андруховича) и Украины (у Забужко) с Европой, а также то, что она называет культурнационализмом и «приемами othering», используемыми украинскими авторами в отношении отдельных частей Украины. «Феномен аргументирования культурой в целях образования нации я обозначаю как культурнационализм» (с. 108), — пишет автор, а по поводу постколониальных подходов отмечает, что «здесь на передний план выступает Другое национального дискурса» (с. 12). То есть тем бессознательным Другим, которое на самом деле определяет стратегии украинских авторов относительно вписывания идентичности в геокультурное пространство, является, по мнению Хофман, именно национализм, несмотря на то что они могут называть свои нарративы постколониальными.

При таком отрицании постколониальной природы культурных нарративов в украинской литературе можно было бы ожидать отсылок к антиколониальной риторике украинских авторов и идеям сопротивления, ресентимента, подрыва. Идею «национал-культурации» также можно было бы рассматривать в аспекте антиколониального сопротивления, однако автор ограничивается критикой культурнациональной этнографии. Пригодилось бы и понятие внутренней колонизации, но и оно не становится инструментом анализа. не упоминается также понятие деколонизации, которое могло бы прояснить репрезентацию телесности и голоса в текстах Забужко или (пере)присвоение ландшафта и другие

в текстах украинских авторов, в частности Гяючука, Андруховича и Забужко. Как признается Хофман, ею «был выбран подход, который — хотя и не занимается критикой образования нации и европейского проекта — не поддерживает идеологии ни европеизации, ни национализма» (с. 393).

Скептически относясь к постколониальным интерпретативным стратегиям писателей и критиков на территории постсоветской Украины, автор обобщает, что именно «постколониальный взгляд на национальную проблему объявляет Украину постколониальной нацией» (с. 154), которой она не является. В некоторых случаях, отождествляя позиции персонажа (в тексте) и автора (в эссе), Хофман уличает персонажей в неспособности адекватно сформулировать национальную идею и представить ее западному читателю. Так, главного героя романа «Перверзия» Андруховича она называет «этнографическим героем-аферистом», а его самопредставление (доклад на семинаре) ассоциирует со «стратегически дезинформативной этнографией» (с. 115). По мнению исследовательницы, он всего лишь демонстративно подчеркивает свою инаковость: Перфецкий вроде бы должен адекватно презентовать перед западным миром украинскую культуру, а вместо этого сообщает сведения, вводящие в заблуждение западную публику. Представляя Украину, он проводит туманные ассоциации и параллели, водит западных слушателей за нос, то есть практикует самоэкзотизацию, которая скорее затуманивает «познаваемую специфику Своего», чем раскрывает ее (с. 115). Остается только удивляться, почему герою этого открыто экспериментального постмодернистского романа Андруховича приписывается такая задача.

Подобную стратегию, при которой культура используется для обоснования и репрезентации нации, Хофман соотносит с национализмом. Но если рассматривать национальную нарратацию в смысле нации-как-нарратации (Х. Баба), то стратегия Перфецкого (как и общая концепция романа) состоит в том, чтобы продемонстрировать почти дерридеанское «различение». Он должен рассказать о том, что является пустотой, белым пятном на карте Запада. Речь о стране, о которой не знают, которую путают с Россией, она лишена истории и голоса. Герой должен представить пустое место, каковым представляется Украина собравшейся в старой Европе публике. Поэтому его нарративное путешествие между геокультурными ассоциациями (Сарматия, монады на востоке Европы) и кажущаяся самоэкзотизация — на самом деле перформативная репрезентация-конструкция своей идентичности, то есть постмодернистская стратегия письма.

Европе» (с. 116)) не оправдали доверия западной публики в качестве «атташе по культуре». Постмодернистскому тексту приписаны черты реалистического дискурса, а этнографическая функция отождествлена с идеологическим месседжем.

Игнорируя постколониальные стратегии и последовательно идентифицируя их как культурнационализм, Хофман представляет украинскую литературу в некоем кривом зеркале. Она критикует понятие «геопэтика», которое, по ее словам, наиболее активно применяется учеными в странах Восточной Европы и скрывает в себе намерение поэтизировать национальную и региональную исключительность, превратить маргинальное в центральное. Так будто бы происходит «сдвиг» представления о «Востоке» к России и приписывание постсоветских идентичностей «к идеализированному европейскому ядру» (с. 47). «В данной работе категория геопэтики почти не используется» (с. 46), — подчеркивает автор; геопэтика осуществляет «языковое спасение маргинального», а также стратегии «понижения и повышения значимости» (с. 47, 50). У украинских авторов это, по мнению автора, проявляется в отчуждении «непринятого Своего» — Донбасса и «иного» — бывшего Советского Союза. и все же она апеллирует к геопэтике, показывая, как у украинских авторов она превращается в геополитику, а в текстах российских авторов приобретает ностальгический характер.

Деконструируя геополитические идеалы украинских авторов, Хофман трактует их в категориях национализма, а не постколониализма, и задается вопросом: «Не изображают ли Postcolonial Studies в одеянии этого восточноевропейского “постмодерна” дискурс легитимирования образования нации?» (с. 122). Отвечая на этот вопрос, заметим, что постколониальные штудии совсем не чужды «дискурса легитимирования образования нации» и антиколониального сопротивления [8]. Постколониальная критика исследует сложную систему отношений колонизатора и колонизированного и, в частности, обращает внимание на «радикальную амбивалентность среднего поля в колониализме» [9]. Речь идет не только о деконструкции противоречия «я/другой», «центр/периферия», но и о подрыве бинарной оппозиции, свойственной колониальным отношениям, и о том, что пост- и антиколониальное письмо содержит в себе фигуры антиколониального сопротивления. Последние отражают идеи национального освобождения и, следовательно, легитимации нации.

представленного в «Литературных этнографиях» анализа в контекст этих дискуссий могло бы снять многие вопросы и коллизии, отмеченные выше.

Конфликт этнографий: мозаика или конфронтация?

Используя в названии книги форму множественного числа («литературные этнографии»), Хофман ориентируется на разнообразие картографий и идентичностей, и не только в Украине. наряду с культурнационалистическим украинским нарративом в книге анализируются (а) постсоветская российская оптика, (b) следы имперского дискурса и (c) крымский контекст. Кроме разнообразия картографий, такая концепция, думается, указывает на конфликт интерпретаций и идентичностей на постсоветском пространстве. Так, рассматривая риторическую и перформативную природу картографии у Андруховича, автор отождествляет ее со «стратегически дезинформативной этнографией», направленной на вычеркивание из национального сознания советского периода в истории Галиции, а также Восточной Украины в целом. Позиция Забужко отождествляется в книге с «нарративным процессом реставрации» нации, культуры, языка (с. 128), а сама писательница отнесена к числу авторов «дидактических этнографий нации», поскольку в ее произведениях перформативность текста основана на демонстрации «непоколебимой украинской идентичности» (с. 136, 128). Касаясь гендерной темы, Хофман настаивает на антифеминистической позиции Забужко в «Полевых исследованиях из украинского секса», а телесное и биографическое вписывания автора в этот нарратив склонна интерпретировать как биологически-генетическое (расовое?). «Кризис женщины здесь — кризис культурной нации, причем культура определяет генетику: против виктимизации украинцев помогает — по логике романа — размножение: так можно было бы спасти культуру и нацию», — утверждает исследовательница (с. 133).

«Политическим этнографическим проектом» названо в книге объяснение «двух Украин» у Миколы Рябчука, который, по словам Хофман, репрезентирует политически ангажированный полюс этнографического проекта, причем «чуть ли не расистски» (с. 141). Вскользь касаясь дискуссий вокруг идеи Рябчука о «двух Украинах», она утверждает: суть ее в том, что между Европой и Украиной не

“двух Украин” дает в целом неплохое представление о двух полюсах (географических, идеологических, национально-культурных), олицетворением которых можно условно считать Львов и Донецк. Один полюс является символом Украины украинской и европейской, проатлантической, ориентированной на ЕС и НАТО, подобно странам Балтии и Центрально-Восточной Европы. Второй полюс символизирует Украину советскую и евразийскую, нацеленную на «восточнославянский союз», на развитие путем лукашенковской Беларуси» [11]. В 2019 г. Рябчук уже подчеркивает, что эту метафору «ни в коем случае не следует понимать буквально, как некую географическую или геополитическую реальность. Скорее речь идет о двух разных национальных проектах и, соответственно, двух типах украинской идентичности, на которых эти проекты основываются. Ни один из них, однако, не является чисто “восточным” или чисто “западным”... именно “мягкий”, не конфронтационный характер межрегиональных различий делает Украину относительно стабильной и открывает хорошие возможности для национальной интеграции...» [12]

Можно согласиться с тем, что метафора Рябчука имеет выраженную антиколониальную направленность, а позиция критика определяется культурным национализмом. Важно при этом подчеркнуть, что в данном случае антиколониальный дискурс является частью преодоления наследия империи и ментальности постсоветского человека. Постколониальная критика увидела бы также в концепции Рябчука процессы деколонизации, а именно конфликт постсоветской («креольской», как называет ее Рябчук) идентичности на востоке Украины, которая до сих пор не претерпела деколонизации, и европейски ориентированной и питаемой «габсбургским мифом» идентичности Галиции, в которой активно осуществляется деколонизация на основе националистического проекта. Но Хофман постколониальных методов не использует. Как она объясняет, «критическая позиция по отношению к примордиалистской и культурно-националистической концепции нации оказалась необходимой — ввиду состояния исследования образования украинской нации, которое скептически рассматривает польский и русский национализмы, украинский же называет наперстывающе-оптимистически желательным» (с. 388).

Словно подхватывая метафору о «второй Украине», Хофман демонстрирует другой образ Украины на примере текстов Сергея Жадана. С симпатией анализируя его эссеистику, Хофман обращает внимание на персональную

живым историям, реальным деталям и координатам обычного Донбасса, не занимает метапозиции этнографа, утверждающего собственную идентичность, а представляет саморазвертывающуюся идентичность своего края. Индивидуальная локальная этнография Жадана в книге Хофман оттеняет культурнационалистические этнографии Андруховича и Забужко.

Однако автор не ограничивается внутриукраинской оппозицией. Значительное место занимает в книге и русская литература, точнее — российский взгляд на «прекрасную» Украину. Дополнением и «поправкой» к локальной этнографии Андруховича служит эссеистика российского писателя Игоря Клеха, который выражает в своих произведениях альтернативное видение Галиции и Львова. Если первый, по мнению Хофман, игнорирует советский период, вычеркивает его из карты памяти, то картография второго связана с вписыванием советской идентичности в пространство Галиции: «Клех напоминает о положительных эффектах советских времен как в социальной, так и в культурной областях и сожалеет о разрушении отношений с Россией» (с. 199). Еще одной российской проекцией в книге становится имперский дискурс в романе Олега Постнова «Страх» (2001). Украинские фантазмы «Страх», порожденные творчеством Гоголя, рассматриваются в аспекте музеефикации, неотделимой от «взгляда, который хотел бы не только понять, но и завладеть» (с. 124). Этот гоголевский роман с Украиной, по наблюдению Хофман, «высвобождает жажду обладания» (не только чужими текстами, но и географическими пространствами).

Примечательно, что оптика российских авторов фактически позволяет реабилитировать геопэтику, которая из географического понятия трансформируется в «когнитивное и поэтическое измерение» (с. 179). Поскольку во Введении речь шла об отказе от геопэтики ввиду ее поэтизации маргинального, возникает вопрос: не возрождает ли геопэтику российских авторов поэтизация маргинальной Украины? Как известно, украинская тема присутствует в русской литературе еще со времен романтизма. Хофман делает примечание, что «клеховская риторика гибели культуры [Галиции] и его переезд в Москву наводят на подозрение, что он продолжает геокультурологическую традицию, которая классифицирует Украину со стороны русских центров власти как зависимую провинцию» (с. 304).

Демонстрируя геокультурный конфликт этнографий, Хофман обращается к роману Людмилы Улицкой «Медея и ее дети» (1996). Центральная идея романа

национал-культурных картографий других регионов Украины. Если обращение к творчеству Клеха и Постнова объясняется их непродолжительной связью с Украиной, то в случае с Улицкой ни о каком украинском следе не вспоминается. В целом же все отмеченные проекции создают мозаичный образ литературных этнографий после 1991 г., построенный не на многоголосии и взаимодополнении, а на противоречиях и оппозициях.

Вместо выводов

Книга Татьяны Хофман, вызывающая так много вопросов, не только выявляет противоречия литературной этнографии и конфликт постколониализма и национализма. Эта живо и интересно написанная книга — нетривиальное явление в современных культурологических исследованиях постсоветских литературных практик. Фокусируясь на этнографической культурологии, автор разворачивает широкую и многоуровневую литературную карту украинской литературы периода независимости, поднимая сложные вопросы репрезентации локальной и индивидуальной идентичностей, а также городского габитуса (на примерах Киева, Львова и Харькова), вступает в дискуссию с уже существующими культурологическими исследованиями и проектами. Риторически и геополитически деконструируя стратегии письма украинских и российских авторов, рассматривая геокультурные локусы, Хофман показывает себя не только ярким исследователем, но и антропологом-этнографом, который не остается в стороне от описываемых процессов, а превращается в заинтересованного наблюдателя и комментатора. Так проявляется одна из важных особенностей этнографии — присутствие фигуры этнографа, которому трудно самоустраниться даже тогда, когда он хочет «заменить» себя чужими нарративами. Фигура этнографа с его вкусами и идеями, как бы ни пыталась Наталья Хофман изгнать ее из «Литературных этнографий», проявляет себя в тексте и — занимает метатекстуальную позицию, провоцируя конфликты интерпретаций и дискуссии по поводу высказанных идей и оценок.

[1] Rewakowicz M.G. Ukraine's Quest for Identity: Embracing Cultural Hybridity in Literary Imagination, 1991—2011. Lanham, MD: Lexington Books, 2018.

[4] Чижевський Д. Історія української літератури (від початків до доби реалізму). Нью-Йорк: Українська Вільна академія наук у США, 1956.

[5] Грабович Г. Семантика котляревщини // Грабович Г. До історії української літератури: Дослідження, есе, полеміка. Київ: Основи, 1997. С. 313—332.

[6] См.: Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography / Eds. J. Clifford, G. Marcus. Berkeley: University of California Press, 1986.

[7] Ср.: Geertz C. The Interpretation of Cultures. N.Y.: Basic Books, 1973. P. 10—11.

[8] См., в частности, мою полемику с Марком Павлишиным, по мнению которого постколониализм представляет менее реакционные и более оригинальные «высшие» позиции, чем антиколониализм, лишь переворачивающий предшествующие колониальные структуры: Гундорова Т. Транзитна культура. Симптоми постколоніальної травми. Київ: Грані-Т, 2013. С. 78—80.

[9] Slemon S. Unsettling the Empire: Resistance Theory for the Second World // The Postcolonial Studies Reader / Eds. B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin. L.; N.Y.: Routledge, 1995. P. 107.

[10] См., например: Moore D. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique // PMLA. 2001. Vol. 116. № 1. P. 111—128; Editor's Column: The End of Postcolonial Theory? // PMLA. 2007. Vol. 122. № 3. P. 30.

[11] Рябчук М. Дві України // Критика. 2001. № 10 (<http://www.ji-magazine.lviv.ua/diskusija/arhiv/ryabchuk.htm>).

[12] См.: Дискусія про Україну в університеті Санкт-Галена // <https://ipiend.gov.ua/novyny/dyskusiia-pro-ukrainu-u-bernskomu-universyteti-2/>.

